

Пространство и время в мировой политике

Андрей Мельвиль

Все события мировой политики происходят в пространстве и во времени. Данная констатация только кажется банальной. Определенное пространство (страна, регион, континент, трансконтинентальное единство) и определенное время (эпоха, век, точный хронологический отрезок) — это базовые параметры любой политики или, если угодно, ее структурные рамки. Саму политику иной раз определяют как оформление влияния на более или менее точно очерченном пространстве и в достаточно точных временных координатах. Но только субъективная деятельность акторов наделяет жизнью эти политические параметры и придает им смысл.

Объективные и субъективные параметры политического пространства и времени непостоянны, у них своя динамика. Принято считать, что глобализация «сжимает пространство» и «ускоряет время». Но у нее сегодня выявляются и свои собственные «противофазы», «противотенденции», которые, как это ни парадоксально, расширяют современное политическое пространство и тормозят ход политичес-

кого времени. Например, множатся локусы политического, в том числе за счет появления и расширения субнациональных и транснациональных политических пространств, которые представляют собой вполне естественный побочный продукт глобализации. Или пробуксовывают темпы политического развития (а то и происходит регресс — если мыслить в линейной матрице) в политической динамике тех или иных стран и регионов. Иными словами, современные политические траектории весьма разнообразны — и в пространстве, и во времени. Это контур очень широкой проблемной рамки, — условно говоря, от геополитики до хронополитики.

Здесь возникают новые и новые проблемы.

В чем смысл «современности» в мировой политике и насколько «современны» нынешние международные отношения? Что делает современную политику «мировой», то есть, что обеспечивает ее единство в пространстве и во времени? Можно ли (и как) воздействовать на динамику пространственных и временных перемен в

Статья подготовлена на основе доклада на IV Конвенте Российской ассоциации международных исследований (Москва, 22 сентября 2006 г.). — *Прим. авт.*

сегодняшнем мире? Какую роль здесь играют, выражаясь языком социологии, «структуры» и «акторы», и в какой мере последние способны форматировать внешне заданную объектность? Как и когда появляются «окна возможностей» для радикальных перемен в мировой политике? Какие новые политические пространства рождаются в ходе глобализации и под воздействием ее «противофаз»? Как эти новые пространства связаны с территориальностью и суверенностью государств? Насколько значимы геополитические и хронополитические факторы в мировой политике? Существуют ли в ней эволюционные векторы? Как взаимодействовать и понимать друг друга странам, находящимся в разных пространственных и временных политических координатах?

Слишком много вопросов, на которые нет однозначных ответов.

Начнем с бытующего представления о пространстве и времени как о «естественных», «объективно» заданных параметрах политического восприятия. На самом деле восприятие (и оформление) политического пространства во многом (если не преимущественно) исторично и социально. И. Валлерстайн, например, говорит о социальной («не-природности») смыслов и значений мирового пространства и времени. Разные группы людей определяют и воспринимают эти значения по-разному.

Обратимся к такому примеру, как визуальное восприятие пространства. Есть большое искушение воспринимать прямую линейную перспективу как «природное» явление, как некое отражение объективной реальности, обусловленное физическими свойствами предмета и глаза. Но в действительности прямая линейная перспектива — продукт социально-культурного развития,

когда (судя по всему, в эпоху Возрождения или Предвозрождения) «Я», «яйность» как таковая стала точкой мировоззренческого и, соответственно, пространственного отсчета. Изображения «суда Осириса» на манускриптах «Книги мертвых», карты адмирала Пири Рейса, иконопись — вот примеры плоскостных пространств или обратных перспектив. И только в «Рождении Марии» Джотто, в «Афинской школе» Рафаэля или — в классически завершенной форме — в «Менинах» Веласкеса мы (наверное, впервые?) воспринимаем окружающее пространство совсем по-другому — в прямой линейной перспективе.

Восприятие пространства в прямой перспективе — не оптический, а культурный (социально-культурный) феномен. В его основе — появление нового типа личности, автономной индивидуальности. Экономический, политический и культурно-ценностный индивидуализм сигнализирует о появлении не только капитализма в экономике, но и соответствующих сдвигов во всей толще общественного бытия и сознания.

Тогда же рождается и новое восприятие исторического времени: на смену средневековому представлению о «конце времени» («Страшный суд») приходит идея бесконечной линейности или векторного прогресса. Не цикличность или регресс, как у Ф. Ницше, О. Шпенглера или А. Тойнби, а просвещенческое постоянное восхождение к некоему идеалу. Идеи К. Маркса, кстати, иногда звучат вполне в духе Ж.-А. Кондорсе с его «бесконечным прогрессом человеческого разума». По сути, весь пафос европейского модерна (включая и марксизм) состоял в том, чтобы сделать историю одновариантной, безальтернативной.

Политическое развитие — это бесконечно восходящий «эскалатор прогресса», который «снимает» неопределенность исто-

рического процесса. Прогресси́зм модерни преодолевает разнородность политического пространства, сводя его к одной плоскости, и редуцирует разновидности исторического времени до одного линейного вектора. Политика в этой парадигме — воспроизводство предсказуемого будущего. Политическое время — это фазы, стадильность, неотвратимость, внутренняя целесообразность (телеологизм) законов истории.

Та же модернизационная парадигма, казалось бы, преодолевающая марксистскую логику, на самом деле, по-своему воспроизводит ее в прогрессистском архетипе линейности и универсальности. Говоря кратко, все страны, пусть с разной скоростью, пройдут одни и те же фазы развития — от традиционного к переходному и, наконец, к современному обществу.

В последние десятилетия XX в. вышеизложенный базовый концепт модернизации модифицируется (иногда с существенными методологическими новациями, например, в отношении роли субъективных акторов и процедур) в парадигме демократического транзита. Логика глобальной демократизации подводит к своего рода антикоммунистической перелицовке «Коммунистического манифеста»: все страны придут к торжеству либерального и демократического будущего, одни раньше, другие позже. Разумеется, это предельный вариант данной идеологии — применительно к живой политической реальности парадигма демократизации допускает и неконсолидированную демократию, и авторитарные откаты. Но все эти в принципе допустимые девиации все же рассматриваются как временные остановки на магистральном пути, который запрограммирован для всех стран.

В реальности, однако, перед нами своего рода «разбегающаяся вселенная» нелинейных траекторий политического

развития. Здесь и поступательное движение, и регресс, и тупик, и гомеостаз, и цикличность... Постсоветский, посткоммунистический и — шире — поставторитарный мир демонстрирует множественность совершенно разнородных и разнонаправленных политических режимов и систем. Терпят фиаско привлекательные иллюзии возможности трансплантации идеальных демократических моделей, изоморфных для разных типов политического пространства и времени.

Проблема не только (или даже не столько) в злом умысле и ошибках в выборе стратегий и тактик модернизации или демократизации. Проблема глубже: нет универсального будущего «для эллина, иудея, варвара и скифа». В мире существуют разные политические пространства и разное политическое время. У стран разные логики политического развития, фазы, повестки дня и приоритеты. Нет «единой судьбы человечества».

Возникает и другая проблема: у различных стран и обществ, судя по всему, есть свои «пределы политического роста». Сама нелинейная логика их исторического развития определяет некие горизонты, дальше которых им не зайти (во всяком случае, трудно вообразить, как они могут сделать это, перестав быть самими собою). Если мыслить в линейных категориях и рассчитывать, что рано или поздно все политики смогут теми или иными способами достичь единой для всех нормативной рамки, тогда, конечно, можно сколь угодно долго ждать, пока политическая система Ирака станет походить на политическую систему, скажем, Бельгии или Нидерландов. Но разные группы стран в каком-то смысле живут в разном политическом времени. Отсюда, в частности, серьезная методологическая проблема для их синхронных сравнений.

Скажем, можно ли сравнивать в плане темпов и уровней демократизации Россию конца XX в. и Великобританию тоже времени? Или корректнее сравнивать ее с той же Великобританией, но конца XIX в.?

Разные политические пространства и разное политическое время подчас существуют в мире одновременно, даже в рамках одного «локуса» (известный пример: нелегальный мексиканский мигрант, собирающий апельсины на калифорнийской плантации, и брокер на электронной бирже в Сан-Франциско).

В целом же, как об общей тенденции, можно говорить о специфическом «расширении» политического пространства, пространства современного Политического. Это, конечно, не нужно путать с определенными стратегиями по «сужению» пространства публичной политики. Одно дело — специфическая политика того или иного режима, другое — общая тенденция политического развития.

Прежде всего, размывается привязка политического пространства к конкретной территории. Оно уже перестает восприниматься как территория политики. Мы не собираемся спорить с тем, что политика остается, в первую очередь, территориальной и в значительной мере представляет собой овладение, оформление и переформатирование определенного пространства, структурирование и установление в нем тех или иных взаимосвязей. В международных отношениях ключевыми акторами по-прежнему являются национальные государства, имеющие пространственно-территориальное измерение. Поэтому и геополитический подход (если рассматривать его в ряду других) — вовсе не архаика.

Но наряду с этим развивается экспансия «вне-территориальных» форм и измерений международной политики —

прежде всего транснациональных и субнациональных. Кстати, применительно к моделям международных отношений эта множественность пространственных проекций означает, что мир одновременно и однополюрен, и биполюрен, и многополюрен, и центробежен, и хаотичен.

Что касается политического времени, то современные мировые процессы, в том числе глобализация и ее противофазы, не только «ускоряют» время, но подчас парадоксальным образом его «замедляют». Во-первых, очевиден все более углубляющийся разрыв между теми странами, которые приспособились к ускоренному ритму исторического времени или даже стали «локомотивами» одной определенной траектории развития (например, пресловутый «золотой миллиард»), и теми, для которых время замедляется, у кого обнаружили серьезные тормозы и, главное, «пределы» развития. Во-вторых, выявляется специфическая дисперсия политического времени: наряду с глобальным («осевым») временем, множатся типы, если угодно, «локального времени», в котором реально живут и рамках которого ограничены многие политики и сообщества.

Все это подрывает монополию линейной логики в понимании современности. Отличительными характеристиками современного политического развития становятся динамичность, неустойчивость, неопределенность — причем как нынешних состояний, так и тенденций изменений. Впору припомнить «детерминированный хаос» А. Пуанкаре и попробовать переложить его на политическую реальность. Это и не линейный детерминизм, и не констелляция случайностей. Это просто иное понимание каузальности. «Вероятность» событий и процессов — не отрицание причинности. Вполне причинно обусловленные («в ко-

нечном анализе», если, конечно, таковой возможен) процессы сами порождают вероятностные последствия. При этом в определенных политических пространствах сохраняются и зависимости от прошлых траекторий развития (по типу «path dependency»).

Нелинейность в этом контексте — независимая переменная с изменчивым влиянием на другие зависимые переменные. В результате не только политические влияния и последствия оказываются множественными, вариативными и непостоянными. Множественны и сами независимые переменные, которые сегодня очерчивают контуры мировой политики. Приходится согласиться с тем, что нет единого, определяющего и доминирующего вектора мирового политического развития. Само это развитие приобретает «рваный» характер. Относительная устойчивость и равновесие сменяются неустойчивостью и хаотичностью. Это состояние постоянной флуктуации политических состояний, бифуркации или даже «полифуркации» мировой политической системы, когда происходит обрыв временных рядов, резко увеличивается роль случайных и малозначимых (на первый взгляд) факторов, возрастают риски.

Выход из такой «полифуркации» — осуществление политического выбора. В терминах «структуры и агента» он открывается, когда баланс структур нарушается, и обнаруживаются новые возможности для действий акторов, причем подчас в условиях непропорционально мощных по отношению к источнику воздействий. Выбор как таковой — да, но не выбор чего угодно. Он ограничен наличными структурами, структурными условиями, не зависящими от воли акторов, которые, увы, не могут начертать идеальный нормативный дизайн на политической *tabula rasa*.

Это ограничение особенно дает о себе знать в моменты радикальных общественных трансформаций. Скажем, политический выбор в обществе, находящемся в состоянии транзита, в некоторой степени предопределен всем совокупным грузом предшествующих традиций, от которых нельзя просто отмахнуться. Вспомним пример из недавней отечественной истории: почему в России осенью 1991 г. не были проведены первые свободные учредительные выборы, которые, как было хорошо известно из предшествующего опыта демократических транзитов, способны консолидировать новую политическую систему? Сказалось нежелание первого президента разделить с вознесшим его демократическим движением властные полномочия? Наверное, да, но не только. В не меньшей степени это обуславливалось непластичностью, ригидностью самой российской политической реальности, ее заостренными структурными «сгустками», порожденными всей прошлой историей того, что называют «Русской системой».

Возникает и такой вопрос: насколько реальны альтернативы, гипотетически представляемые в политическом выборе в момент драматического общественного перехода? Они кажутся вполне реальными постфактум. А в момент самого выбора? Почему-то очень часто получается так, что наследие исторической траектории, как гегелевская «хитрость разума», так или иначе подталкивает меняющуюся политику лишь к определенному выбору. Трансплантировать универсальную модель не удается. Универсальная линейность не срабатывает.

Как долго сохраняются возможности для радикального политического выбора? Прогнозы здесь неутешительны. Вряд ли стоит питать иллюзии, что постепенно, с учетом складывающихся внутренних и вне-

Теория международной политики

шних обстоятельств, можно будет преодолеть, выражаясь социологическим языком, структурное сопротивление и достроить институты и процедуры меняющейся политики до некой модельной нормы. «Окна возможностей» для радикальных трансформаций и транзитов не только открываются, но спустя некоторое время и закрываются. Л. Даймонд, известный американский транзитолог, продемонстрировал это на примере «медленной смерти» некоторых неконсолидированных демократий. Разумеется, это не означает, что с течением времени не появятся другие «окна возможностей» для радикального политического выбора. Просто он уже будет осуществляться в ином общественном контексте и в рамках иной

логики. Но такие возможности могут и вовсе не появиться, например, для полновесного включения в процессы глобализации и постиндустриального развития безнадежно «отставших» стран.

Принятие нелинейности современного политического развития требует одновременно храбрости, смирения и упорства. Храбрости в принятии «аксиологически неудобной» реальности окружающего нас политического пространства и времени. Смирения в признании ограниченности наших возможностей по воплощению идеального нормативного дизайна в конкретном политическом развитии. И упорства в непрекращающихся, несмотря ни на что, усилиях по его переформированию.